

А было разведчику 6
тринадцать лет

Когда закончат с евреями, 17
возьмутся за негров

Всеобъемлющий запрет 25
тоталитарной власти

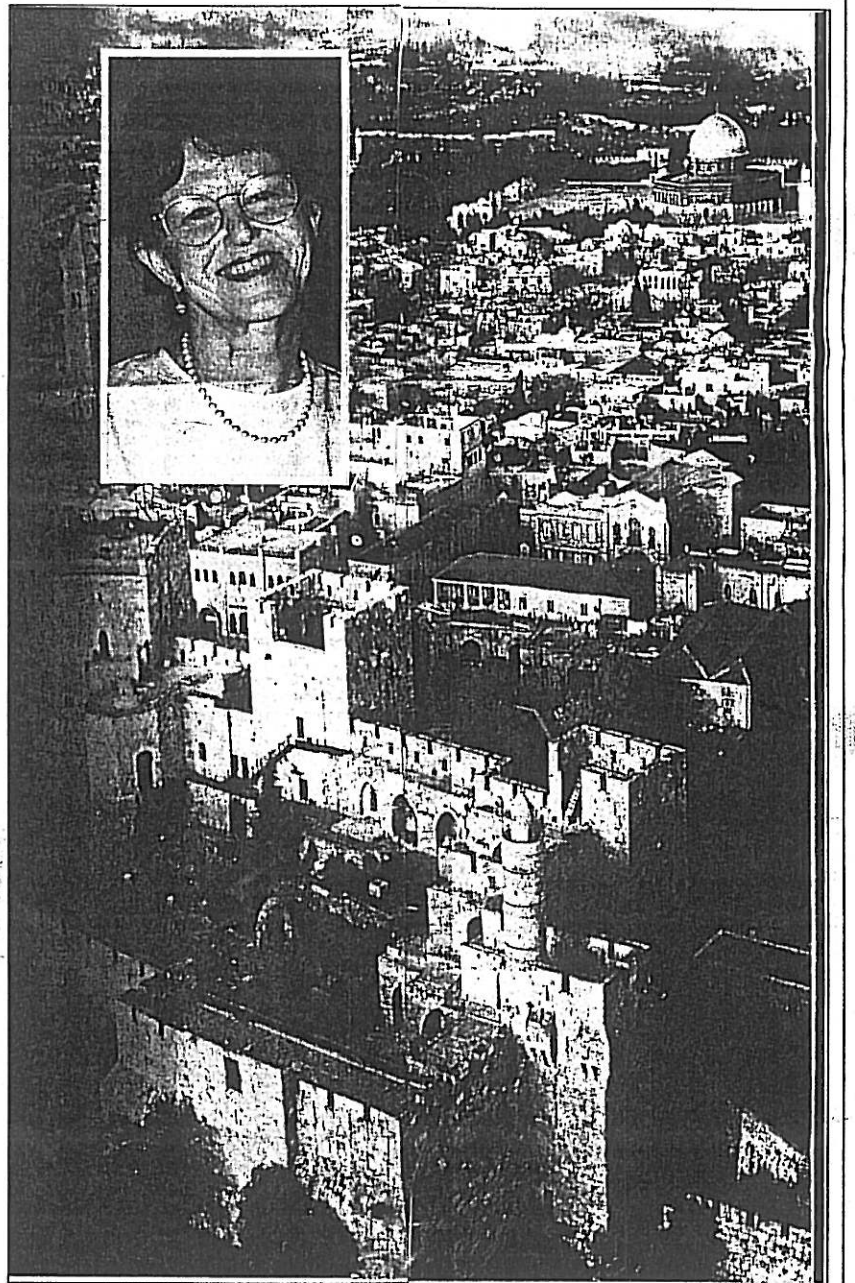

ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН

Неделя на главах Торы
Комментарий Н. Пурера — на 2-й стр.

В Иерусалимском общинном доме состоялась презентация "Антологии ивритской литературы". Огромная значимость и уникальность этой книги состоит в том, что она является первым и очень серьезным собранием переведенных на русский язык произведений шестидесяти израильских прозаиков и поэтов, многие из которых вообще не были известны российским евреям, а также в том, что она издана в содружестве с Российским государственным гуманитарным университетом. Одним из составителей антологии стала израильская поэтесса и исследователь-литературовед Хамуталь Бар-Йосеф. Она же написала в качестве введения к антологии пространную и содержательную обзорную статью по ивритской литературе за последние двести лет. Поэтому естественным было мое желание познакомиться и с нею самой, и с той грандиозной работой, в которой ее роль была ведущей.

стр. 18

ИУДАИКА В РОССИЙСКОМ

Хаим ВЕНГЕР

В Иерусалимском общинном доме состоялась презентация "Антологии ивритской литературы". Огромная значимость и уникальность этой книги состоит в том, что она является первым и очень серьезным собранием переведенных на русский язык произведений шестидесяти израильских прозаиков и поэтов, многие из которых вообще не были известны российским евреям, а также в том, что она издана в содружестве с Российским государственным гуманитарным университетом. Одним из составителей антологии стала израильская поэтесса и исследовательница литературы Хамуталь Бар-Йосеф. Она же написала в качестве введения к антологии пространную и содержательную обзорную статью по ивритской литературе за последние двести лет. Поэтому естественным было мое желание познакомиться с ней самой, и с той грандиозной работой, в которой ее роль была ведущей.

Хамуталь родилась в кибуце еще до образования Государства Израиль. Она росла в среде, которую принято считать антирелигиозной. Но те, кто ее окружал, жили чрезвычайно насыщенной духовной жизнью. Родители Хамуталь прибыли в Эрец-Израиль с Украины в 1936 году, когда ее брату было шесть лет. Спустя четыре года родилась Хамуталь. Брат и сестра были необычайно близки друг другу, видимо, потому, что у них не было родительского очага в привычном понимании этого слова. Ведь кибуцные дети росли и воспитывались в яслях и садиках. И вот любимый ею, преданный ей брат погибает в войну за Независимость в неполные восемнадцать лет. О масштабной потере в той войне говорит тот факт, что менее чем пятисоттысячный еврейский ишув лишился восьми тысяч молодых ребят. Так что для Хамуталь образование Государства Израиль было связано с тяжелыми переживаниями из-за потери брата. Впрочем, до начала пятидесятых годов все население Израиля представляло собой одну пребывающую в трауре семью.

В это трудное для каждого израильтянина и для всей страны время Хамуталь находила убежище и утешение в учебе. Она очень любила учиться, любила играть на пианино. Ей удалось окончить среднюю школу еще допривычкой, а это позволило поступить в Еврейский университет в Иерусалиме и защитить диплом в непривычно молодом для Израиля возрасте. В двадцать лет она получила первую степень и в том же году вышла замуж. Разочаровав родителей, возлагавших на дочь-вундеркинда большие надежды, Хамуталь отказалась от всех перспектив, которые сулило ей продолжение учебы. Ее стремление в столь юном возрасте создать семью объяснялось

горьким для нее дефицитом близких родственников: бабушки и дедушки, почти все тети и дяди остались в Европе и погибли во время Катастрофы. К тому же Хамуталь руководило желание создать нормальную семью, такую, какой она сама была лишена. Семью, в которой много детей, а мама и папа соответствуют традиционному пониманию этих слов. Но Хамуталь выбрала неподходящего партнера для осуществления своего "проекта". Ее мужем стал известный драматург Йосеф Бар-Йосеф. Он был сыном писателя и происходил из семьи, десять поколений которой жили в стране.

До того, как они поженились, Йосеф поделился с ней своим представлением о совместной жизни: "Смотри, - сказал он, - в семьях наших родственников, живущих в Меа-Шеарим, многие мужчины учат Тору, а их жены работают. И это не вызывает никаких нареканий. Мне непонятно, почему быть писателем менее важно, чем учить Тору". Хамуталь с ним согласилась. Она была горда тем, что сможет дать ему возможность заниматься творчеством, освобождая от домашних хлопот и материальных забот. Так началась семейная жизнь двадцатилетней Хамуталь и двадцативосьмилетнего Йосефа. А когда ей исполнилось двадцать девять, у нее уже было четверо детей, уход за которыми тоже лежал на ней.

Казалось бы, Хамуталь создала ту семью, о которой мечтала в юности. Но возникли два обстоятельства, которые нанесли удар по кажущемуся благополучию. Во-первых, Хамуталь стала писать стихи, причем не для забавы, а на полном серьезе. Она занималась этим и до замужества, но, видимо, тогда не придавала этому серьезного значения. Во-вторых, выяснилось, что она все же не подходит на роль Софьи Андреевны - жены Льва Николаевича Толстого. Да и усадьбы, как у великого писателя, у них, увы, не было, а потому, чтобы обеспечить семью, она работала учительницей в школе, так как заработки мужа были весьма эпизодическими. В итоге их семейная жизнь дала трещину, хотя и продолжалась еще довольно долго - дети были маленькими и надо было их поднимать. Но вот дети подросли. К этому времени Хамуталь поняла, что ей надоело быть учительницей, что она хочет выразить себя в стихах, которые все больше и больше занимали ее мысли. Возникла ситуация, при которой она перестала чувствовать себя намертво привязанной к дому, стала общаться с близкими ей духовно людьми, писать стихи, литературоведческие исследования. Один за другим выходят ее поэтические сборники, в которых она старается пове-

дать о том, как трудно выразить не дающие покоя мысли и чувства, как трудно быть понятой.

Хамуталь возвращается в университет, чтобы получить вторую степень. Затем работает в министерстве просвещения - в отделе планирования учебного процесса по литературе. Зарботки ее увеличились. И все же удовлетворения это не принесло. Хамуталь росла в окружении революционно мыслящих людей, считавших,

что если ты не совершил пусть маленького, но все же переворота в сознании, то прожил жизнь впустую. Так что заниматься рутинной работой Хамуталь не могла, и вот она уже читает лекции сначала в Иерусалимском университете, а затем в университете имени Бен-Гуриона в Беэр-Шева.

Окончательный разрыв с мужем произошел после трагической смерти их младшего сына. Для Хамуталь это роковое событие означало полное крушение семейной жизни, личного счастья.

Хотя Хамуталь любила свою работу, но морально-этический климат университета был ей не по душе. И тут улыбнулась удача: ее пригласили в Институт Хартмана, занимающийся исследованиями и образованием в области либерального иудаизма. Она стала читать лекции директорам и преподавателям нерелигиозных средних школ, стремящихся познакомиться со своими учениками с основами иудаизма. Лекции посвящены тому, как следует рассматривать современную ивритскую литературу с позиций иудаизма. Параллельно Хамуталь продолжает читать лекции в университете, пишет стихи (в 1998 году выходит ее шестой сборник), занимается литературоведческими исследованиями, последнее из которых посвящено модернистским мотивам в творчестве Бялика, Бердичевского и Бренера.

Вот теперь можно перейти к антологии.

- Как зародился ее замысел и как он осуществлялся?

- Все началось с учебного курса, который я вела пять лет назад в Москве в Российском государственном гуманитарном университете, созданном в 1991 году. Благодаря либеральности его руководства там была разработана программа, которая позволяла студентам исторического и филологического отделений специализироваться по иудаике, изучая в течение четырех-пяти лет иврит, идиш,

историю еврейского народа, ТАНАХ и Талмуд. Один из создателей этой программы в Московском университете пригласил меня прочитать курс по истории современной ивритской литературы за последние двести лет, на что я с радостью согласилась.

- Сколько студентов посещало ваш курс и какой процент от общего количества составляли евреи?

- На двух курсах, организованных для филологов, занималось тридцать-сорок человек. Среди них евреев, я думаю, было примерно 50 процентов.

- Насколько хорошо ваши студенты, изучая иудаику, знали жизнь современного Израиля?

- Чтобы ответить на этот вопрос, приведу такой пример. На одной из лекций по истории ивритской литературы возникла кибуцная тема. Кто-то спросил моих слушателей, знают ли они, что такое кибуц. Кто-то ответил: "Знаем - это колхоз, но только еще хуже". Да, кибуцы за последние годы очень изменились. Но и сейчас они оплицетворяют собой все лучшее, что есть в нашей стране. До сих пор жизнь в кибуце наполнена высоким духовным смыслом. Возвращаясь к ивритской литературе, хочу подчеркнуть, что с самого начала я решила не только рассказать о ней своим студентам, но и дать им возможность эту литературу почитать.

А для этого нужны были тексты и, конечно же, не на иврите, а на русском. Значит, надо было искать переводы с иврита. До начала курса я отправилась на поиски этих переводов в Национальную библиотеку. Причем искала переводы, изданные и до, и после революции, и в наше время. В итоге я убедилась, что таких изданий довольно много, но качество переводов я, увы, оценить не могла. Мой русский для этого недостаточен хорош. Впрочем, в то время меня этот вопрос не очень волновал - главным были сами переводы. Сделав ксерокопии, я разложила их в хронологическом порядке, получив импровизированное учебное пособие. Результат моих трудов очень понравился руководителю проекта, и он, сказав, что ничего подобного еще не видел, предложил мне подготовить для издания книгу, дающую представление об ивритской литературе в переводах на русский язык. Причем издание этой книги при нашем финансировании университет брал на себя. Отказаться от такого заманчивого, хотя и связанного с немалыми трудностями предложения, я не могла. Но теперь вплотную встал вопрос о соавторе, для которого русский был бы родным языком и который бы прекрасно разбирался в литературе, так как в книгу должны были войти только высококачественные переводы. Мне очень повезло - Эля Копельман согласился участвовать в этой работе. Думаю, что в тот момент она не знала, какой каторжный труд на себя взвалила. В противном случае она бы, наверное, отказалась.

УНИВЕРСИТЕТЕ

- Но ведь всегда, во все времена за самые трудные и неблагодарные дела брались подвижники, не искавшие никакой личной выгоды, думающие только о пользе дела.

- Итак, мы должны были определить, насколько полно отражает ивритскую литературу сделанный мной подбор переводных материалов и являются ли высокохудожественными эти переводы. Выяснилось, что и подбор неполный - из-за того, что далеко не все ивритские писатели были к тому времени переведены на русский язык, и качество некоторых переводов оставляло желать лучшего. Таким образом, стало ясно, что надо привлечь к этой работе квалифицированных переводчиков. Одним такого переводчика, а именно - Светлану Шенбрун, я хорошо знала по блестяще выполненным ею переводам пьес моего бывшего супруга Иосефа Бар-Иосефа, драматургический талант которого я очень высоко ценю.

- Мне известно, что эти пьесы с большим успехом идут во многих городах России.

- И в других странах тоже. Так вот, Светлана взялась перевести очень непростые произведения трех авторов, двое из которых никогда не переводились на русский язык. Первой была Двора Барон, родоначальница прозы на современном иврите, писавшая замечательные короткие рассказы. Второй - Ури Нисан Гнесин, выдающийся модернист, сочетавший в себе, если можно так сказать, особенности стиля Андрея Белого, Чехова и Леонида Андреева. Его иврит необычайно сложен и поэтому очень труден для перевода. Перевела Светлана также одно из произведений Шмуэля Иосефа Агнона. Надо сказать, что выполненные ранее переводы весьма односторонне представляли творчество этого большого мастера. Складывалось впечатление, что Агнон писал только на религиозные, на еврейские темы, в то время как он - писатель универсальный: у него есть прекрасные произведения, посвященные общечеловеческим ценностям, в том числе отношениям между женщиной и мужчиной, конфликтным ситуациям, возникающим между ними на почве культурного несоответствия.

- Насколько мне известно, переводить Агнона непросто еще и потому, что практически во всех его произведениях присутствуют два пласта: один явный, другой скрытый. Передать эту особенность его творчества на другом языке нелегко.

- Несомненно. Но Светлана прекрасно справилась с этим, переведя его рассказ "Фернхайм", действие которого происходит после Первой мировой войны. Вернувшись домой после трехгодичного плена солдат обнаруживает, что жена оставила его. Причем герои рассказа происходят не только не из религиозных, а из полуассимилированных семей. Я вообще старалась отбирать произведения, которые могли бы что-то

сказать широкому кругу молодых и не очень молодых русскоязычных читателей. К примеру, рассказы, в которых повествуется о том, как складывается жизнь смешанных пар. Хочется отметить одну весьма любопытную вещь. Среди израильских прозаиков и поэтов есть такие, чьи произведения входят в программу обязательного изучения в школе. К примеру, Хаим Нахман Бялик. Его считают израильским Пушкиным и начинают читать детям в детском саду, а затем изучают в средней школе. А ведь российскому еврею его произведения более понятны, чем коренному израильянину. Действительность, на которой базируется его поэзия, проблемы, которые он в ней поднимает, творческие принципы, которые он исповедует, - все это имеет российские корни. Поэтому я считала, что русскоязычным читателям будет особенно интересно познакомиться с его творчеством на их родном языке. Нечто подобное можно сказать о Черняховском. Его мужественная поэзия, его сонеты, баллады очень близки выходцам из России. А ведь находить отклик в сердцах, вызывать адекватные мысли и чувства - основная задача поэзии.

- Слушая вас, я все время думаю о том, какой поистине титанический и в определенном смысле не-

кого - большого, очень интересного писателя, жившего в начале века. Он и Бялик, по существу, являются двумя основополагающими столпами ивритской словесности двадцатого столетия. Переводить его очень просто. А то, что было переведено его женой, зубным врачом по профессии, никак не отражало творческой мощи и художественных достоинств этого мастера. Переводы Александра Ключевского восполнили этот пробел.

Должна сказать также, что подбором авторов и переводами - при необходимости - их произведений наша работа не ограничилась. Поскольку в текстах встречались большое количество непереводимых терминов, возникла необходимость дать к ним пояснения. Затем надо было составить биографическую справку о каждом вошедшем в антологию авторе. В последнюю минуту мы поняли, что, поскольку не все из переведенных на русский язык ивритских произведений вошли в антологию, надо привести полную библиографию выполненных переводов. Эта поистине грандиозная работа заняла двадцать девять книжных страниц, написанных убористым шрифтом.

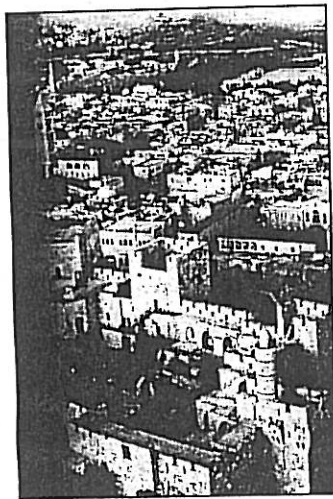
- Кто финансировал вашу работу?

- Должна сразу сказать, что никакого государственного финансирования не было. Некоторую сумму дал Беэр-Шевский университет, часть денег пожертвовал "Джойнт". Не обошлось без частного мецената, который предпочел не афишировать свое имя.

- А какова во всем этом деле роль Российского государственного гуманитарного университета?

- Они оформили обложку, отпечатали и сброшюровали антологию в московской типографии. Кстати, при оформлении обложки возникла интересная ситуация. Макет обложки, выполненный московским художником, мне, в принципе, понравился. Вместе с тем, мне хотелось, чтобы он внес в него несколько приглянувшихся ему букв ивритского алфавита. Через несколько дней художник показал мне новый проект обложки, на которой в числе прочих были выделены две ивритские буквы: "ламед" и "цади софит", сказав, что конфигурация именно этих букв ему особенно понравилась. Все было бы прекрасно, если бы их сочетание не составило совершенно непригодное для оформления данной обложки слово. "лец". Во-первых, оно представляет собой сокращение слова "лейцан" (паяц, клоун). Во-вторых, что особенно неприемлемо, его тахиическое значение - черт, дьявол. В результате пришлось заменить "цади софит" на графически тоже весьма привлекательную букву "аин". Кроме того, при Российском университете действует книжный магазин "У кентавра", в котором продаются изданные там книги, в том числе наша "Антология...". Стоит она там сто рублей.

На фото: Хамуэль Бар-Иосеф

благодарный труд вы и ваши помощники на себя взвалили. Но я верю, что благодарность читателей антологии, которым вы дали возможность открыть для себя такую сокровищницу духа, явится для всех вас ни с чем не сравнимым вознаграждением.

- Поскольку вы заговорили о помощниках, я не могу не сказать об Александре Учкерском. Мой добровольный учитель русского языка, писатель, он бескорыстно помогал нам в течение нашего длинного (протяженностью в четыре года) и нелегкого пути. Александр перевел два рассказа Миши Иосефа Бердичевс-

УНИВЕРСИТЕТЕ

- Но ведь всегда, во все времена за самые трудные и неблагодарные дела брались подвижники, не искавшие никакой личной выгоды, думающие только о пользе дела.

- Итак, мы должны были определить, насколько полно отражает ивритскую литературу сделанный мной подбор переводных материалов и являются ли высокохудожественными эти переводы. Выяснилось, что и подбор неполный - из-за того, что далеко не все ивритские писатели были к тому времени переведены на русский язык, и качество некоторых переводов оставляло желать лучшего. Таким образом, стало ясно, что надо привлечь к этой работе квалифицированных переводчиков. Одно-го такого переводчика, а именно - Светлану Шенбрунн, я хорошо знала по блестяще выполненным ею переводам пьес моего бывшего супруга Йосефа Бар-Йосефа, драматургический талант которого я очень высоко ценю.

- Мне известно, что эти пьесы с большим успехом идут во многих городах России.

- И в других странах тоже. Так вот, Светлана взялась перевести очень непростые произведения трех авторов, двое из которых никогда не перевестились на русский язык. Первой была Двора Барон, родоначальница прозы на современном иврите, писавшая замечательные короткие рассказы. Второй - Ури Нисан Гнесин, выдающийся модернист, сочетавший в себе, если можно так сказать, особенности стиля Андрея Белого, Чехова и Леонида Андреева. Его иврит необычайно сложен и поэтому очень труден для перевода. Перевела Светлана также одно из произведений Шмуэля Йосефа Агнона. Надо сказать, что выполненные ранее переводы весьма однобоко представляли творчество этого большого мастера. Складывалось впечатление, что Агнон писал только на религиозные, на еврейские темы, в то время как он - писатель универсальный: у него есть прекрасные произведения, посвященные общечеловеческим ценностям, в том числе отношениям между женщиной и мужчиной, конфликтным ситуациям, возникающим между ними на почве культурного несоответствия.

- Насколько мне известно, переводить Агнона непросто еще и потому, что практически во всех его произведениях присутствуют два пласта: один явный, другой скрытый. Передать эту особенность его творчества на другом языке нелегко.

- Несомненно. Но Светлана прекрасно справилась с этим, переведя его рассказ "Фернхайм", действие которого происходит после Первой мировой войны. Вернувшийся домой после трехгодичного плена солдат обнаруживает, что жена оставила его. Причем герои рассказа происходят не только не из религиозных, а и из полужасмилированных семей. Я вообще старалась отбирать произведения, которые могли бы что-то

сказать широкому кругу молодых и не очень молодых русскоязычных читателей. К примеру, рассказы, в которых повествуется о том, как складывается жизнь смешанных пар. Хочется отметить одну весьма любопытную вещь. Среди израильских прозаиков и поэтов есть такие, чьи произведения входят в программу обязательного изучения в школе. К примеру, Хаим Нахман Бялик. Его считают израильским Пушкиным и начинают читать детям в детском саду, а затем изучают в средней школе. А ведь российскому еврею его произведения более понятны, чем коренному израильтянину. Действительность, на которой базируется его поэзия, проблемы, которые он в ней поднимает, творческие принципы, которые он исповедует, - все это имеет российские корни. Поэтому я считала, что русскоязычным читателям будет особенно интересно познакомиться с его творчеством на их родном языке. Нечто подобное можно сказать о Черняховском. Его мужественная поэзия, его сонеты, баллады очень близки выходцам из России. А ведь находить адекватные мысли и чувства - основная задача поэзии.

- Слушая вас, я все время думаю о том, какой поистине титанический и в определенном смысле не-

кого - большого, очень интересного писателя, жившего в начале века. Он и Бялик, по существу, являются двумя основополагающими столпами ивритской словесности двадцатого столетия. Переводить его очень непросто. А то, что было переведено его женой, зубным врачом по профессии, никак не отражало творческой мощи и художественных достоинств этого мастера. Переводы Александра Ключевского восполнили этот пробел.

Должна сказать также, что подбором авторов и переводами - при необходимости - их произведений наша работа не ограничилась. Поскольку в текстах встречались большое количество непереводимых терминов, возникла необходимость дать к ним пояснения. Затем надо было составить биографическую справку о каждом вошедшем в антологию авторе. В последнюю минуту мы поняли, что, поскольку не все из переведенных на русский язык ивритских произведений вошли в антологию, надо привести полную библиографию выполненных переводов. Эта поистине грандиозная работа заняла двадцать девять книжных страниц, написанных уборым шрифтом.

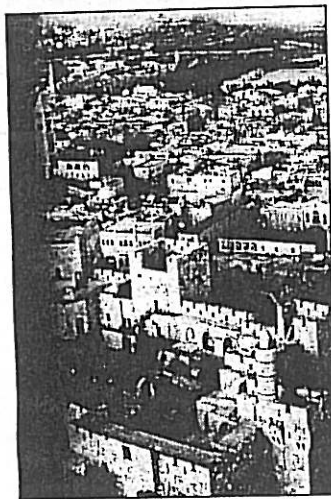
- Кто финансировал вашу работу?

- Должна сразу сказать, что никакого государственного финансирования не было. Некоторую сумму дал Беэр-Шевский университет, часть денег пожертвовал "Джойнт". Не обошлось без частного мецената, который предпочел не афишировать свое имя.

- А какова во всем этом деле роль Российского государственного гуманитарного университета?

- Они оформили обложку, отпечатали и сброшюровали антологию в московской типографии. Кстати, при оформлении обложки возникла интересная ситуация. Макет обложки, выполненный московским художником, мне, в принципе, понравился. Вместе с тем, мне хотелось, чтобы он внес в него несколько приглянувшихся ему букв ивритского алфавита. Через несколько дней художник показал мне новый проект обложки, на которой в числе прочих были выделены две ивритские буквы: "ламед" и "цади софит", сказав, что конфигурация именно этих букв ему особенно понравилась. Все было бы прекрасно, если бы их сочетание не составило совершенно непригодное для оформления данной обложки слово. "лец". Во-первых, оно представляет собой сокращение слова "лейцан" (паяц, клоун). Во-вторых, что особенно неприемлемо, его таинственное значение - черт, дьявол. В результате пришлось заменить "цади софит" на графически тоже весьма привлекательную букву "аин". Кроме того, при Российском университете действует книжный магазин "У кентавра", в котором продаются изданные там книги, в том числе наша "Антология...". Стоит она там сто рублей.

На фото: Хамуталь Бар-Йосеф

благодарный труд вы и ваши помощники на себя взвалили. Но я верю, что благодарность читателей антологии, которым вы дали возможность открыть для себя такую сокровищницу духа, явится для всех вас ни с чем не сравнимым вознаграждением.

- Поскольку вы заговорили о помощниках, я не могу не сказать об Александре Кучерском. Мой добровольный учитель русского языка, писатель, он бескорыстно помогал нам в течение нашего длинного (протяженностью в четыре года) и нелегкого пути. Александр перевел два рассказа Миши Йосефа Бердичевс-